

УДК 316.356.2(=511.1)(470.21)

Е. В. Бусырева

**СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ
КАК ХРАНИЛИЩЕ ПАМЯТИ ОБ ИСТОРИИ РОДА
(НА ПРИМЕРЕ ФИНСКИХ И КАРЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Статья посвящена вопросу сохранения и трансляции семейной памяти в овеществленной форме домашнего архива. Интерес к семейным архивам вызван тем, что собирание документов, фотографий каждой отдельной семьей способствует сохранению памяти, превращению ее в историю. В статье говорится о том, какие документы помогли воссоздать историю каждой семьи, как эта история взаимодействует с макроисторией, какие документы наиболее ценны и почему. Знание об истории своего рода (микроистории) тесно переплетается с макроисторией. Кроме того, благодаря семейным архивам происходит формирование этнической идентичности и локального самосознания индивида. В статье проанализированы состав и функции архивов. В состав семейных архивов входят различные биографические документы, эго-документы, дающие возможность уточнить детали биографических траекторий и обстоятельств жизни семей; фотоматериалы, которые не только воспроизводят облик персонажей семейной истории, но и отражают реалии и традиции далекого прошлого. Состав документов в архиве позволяет судить о том, какие факты и обстоятельства семейной истории являются значимыми для потомков. Официальные документы, хранящиеся в семейных архивах, могут выполнять различные функции: например, служить источником для реконструкции семейного древа, подтверждать этническое происхождение. Значение семейных архивов заключается не только в том, что они помогают воссоздать историю отдельно взятого человека, семьи, но являются и ценным историческим источником.¹

Ключевые слова: семейные архивы, память, финны, карелы, биографические документы, эго-документы, репрессии, фотографии, генеалогические схемы.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-100-111

Интерес к семейным архивам (СА) вызван тем, что собирание каждой отдельной семьей документов, фотографий способствует сохранению памяти, превращению ее в историю [Разумова 2016, 18]. Семейный архив – это различные документы родственников, фотографии, генеалогические схемы, воспоминания, письма и другие памятные вещи. Хотя СА являются источниками личного происхождения, многие из них интересны в фактологическом отношении. Кроме того, благодаря СА происходит формирование этнической идентичности и локального самосознания индивида.

Обращение к информантам с прибалтийско-финской родословной связано с тем, что финны и карелы являются старожильческим населением Мурманской области, сыгравшим существенную роль в освоении края. Особый интерес вызывает судьба российских финнов, сложившаяся драматически для большинства из них (практически в каждой семье были пострадавшие от репрессий).

¹ Исследование выполнено в рамках темы гос. задания ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

При поиске информантов использовался, в основном, метод «снежного кома», когда на потенциального собеседника указывали его знакомые. Протекция вызывала доверие. Однако не всегда можно было сразу убедить информанта, что именно он нужен как носитель знаний о прошлом; распространенным был ответ «да я ничего нового сказать не смогу». Для сбора данных использовался метод полуструктурированного интервью, нацеленного, в большей части, на автобиографический нарратив. Тот факт, что свидетелей ключевых событий XX в. становится все меньше, побуждает информантов старшего поколения передавать свидетельства прошлого: «Вот Вы бы не пришли, так и унесла бы с собой в могилу всё»². Полевые исследования проводились в 2009–2019 гг. в городах и поселках Мурманской области. Было взято 41 интервью, удалось ознакомиться с 30-ю СА.

Интервью позволили изучить историю отдельно взятой семейно-родственной общности. Полученные о каждой семье сведения, во-первых, являются частью локального знания; во-вторых, освещают макроисторические события (раскулачивание, репрессии 1937–1938 гг., война). Эти события выступают в качестве факторов, определяющих судьбу членов семьи.

Поскольку интервью имеют субъективный характер, да и человеческая память не может хранить все детали тех или иных событий, возникла необходимость обращения к СА. Информация, полученная в результате интервьюирования, сопоставлялась с данными из семейных архивов информантов (а также с источниками из государственных архивов или со сведениями, опубликованными в «Книгах памяти»). Данный метод позволил более достоверно реконструировать не только судьбу отдельного человека, но и семейно-родственной общности в целом.

Как правило, СА возникают спонтанно, по мере накопления различных документов, фотографий и т. д. Среди наших информантов лишь немногие целенаправленно создают СА для передачи потомкам сведений о семейной истории. Некоторые документы собирали по необходимости. Документы, письма СА содержатся у информантов в папках (автор имеет электронные копии этих документов); фотографии, как правило, хранятся в фотоальбомах.

СА, к которым удалось получить доступ, различны как по составу, так и по объему. Основной массив СА составляет фонд документов. Прежде всего, это биографические документы, т.е. документы, по которым можно воссоздать основные этапы жизни человека, а также этническое происхождение. К ним относятся свидетельства о рождении (в советское время в свидетельстве о рождении указывалась национальность родителей), свидетельства о браке и смерти, удостоверения и справки о трудовой деятельности, трудовые книжки, пропуска, грамоты, анкеты и т. д. [Чудакова]. Обычно СА комплектуются для индивидуального пользования, только позже они могут стать предметом коллективного достояния. Могут иметься и практические цели собирания и хранения документов. Например, справки о признании пострадавшим от политических репрессий необходимы для получения компенсации. Официальные документы, такие как свидетельства о рождении, подтверждают этническое происхождение и открывают для представителей семей с финскими корнями перспективу выезда на постоянное место жительства в Финляндию. Ряд документов, например, справки о реабилитации, выполняют и моральную функцию: они связаны с признанием совершенной государством несправедливости в отношении близкого человека и семьи в целом. Кроме того, подобные документы являются историческим источником. Знание об истории своего рода тесно переплетается с макроисторией.

Изучением СА в России занимались И. А. Разумова, П. А. Лебедев и другие. В частности, П. А. Лебедев подчеркивал значимость писем как исторического источника, из которого «можно почерпнуть сведения о рядовых людях» [Лебедев 2007]. И. А. Разумова обращает внимание на то, что «глубина памяти и объем знаний об истории семьи находятся в прямой зависимости от наличия семейного архива»; соблюдение «письменной традиции способствует самоидентификации семьи» [Разумова 2001, 95, 97].

В определении понятия эго-документы существенную помощь оказали работы Р. Деккера. Эго-документ – это обобщающее обозначение мемуаров, автобиографии и писем как

² Полевые материалы автора (ПМА). Информант 7. См. Приложение

документально-художественных произведений [Dekker 2002, 13–15]. Также Р. Деккер уделял внимание значению и методам работы с эго-документами. В частности, он предлагал историку, изучающему биографические документы, самому вести дневник или писать автобиографию [Деккер 2016, 71].

При изучении истории и культуры прибалтийско-финских семей Мурманской области возникали вопросы о том, какие документы из СА помогли воссоздать историю каждой семьи, как эта история взаимодействует с макроисторией, какие документы наиболее ценны и почему.

При работе с информантами приходилось сталкиваться с проблемой доступности информации, так как на сведения, касающиеся истории финских семей, в течение значительного периода времени накладывалось табу: «*Я про папиных родственников ничего не знаю. Отец на эту тему не говорил никогда*»; «*Папа молчаливый был. Время такое было, не пикни*»; «*Дед про свою семью никогда не рассказывал*»; «*Всё, что отец пережил, он хранил в себе. Нельзя было ничего говорить*»; «*Бабушка после войны пыталась наладить связь с родственниками в Финляндии, но пришли из милиции, стали расспрашивать, и она перестала больше писать. Такие времена были, что люди боялись*»; «*Я никогда никому ничего не говорила. Вы сами понимаете, какие времена были. А мама смогла и себя, и детей от репрессий уберечь*»³. У некоторых информантов старшего поколения боязнь сказать лишнее сохранилась и по сей день. Некоторые из них отличаются подозрительностью и очень тяжело идут на контакт: «*Мама предпочитала на эту тему не говорить. Сегодня дружба между народами, а завтра запишут в шпионы. Отца никогда не вспоминали. А когда мама тяжело заболела, думала, что не выживет, она записала, откуда мой отец родом. Я, зная мамин характер, этот адрес выучила наизусть. И правильно сделала, потому что как только она поправилась, она востребовала у меня эту бумажку и уничтожила*»⁴. Подобные осторожность и подозрительность объясняются психологической травмой, нанесенной финскому народу в период сталинских репрессий [Илюха 2012, 126]. Информанты с карельской родословной старшего поколения также неохотно шли на контакт: «*А зачем Вам это?*»; «*Да я Вам ничего нового сказать не смогу*»⁵. К сожалению, некоторые информанты отказались предоставить доступ к своим архивам, к счастью, таких оказалось меньшинство.

Отсутствие информации о родственниках, даже ближайших, связано также и с тем, что в годы войны дети оставались сиротами. Так, у информанта 39 деда расстреляли в 1938 г., когда матери было всего девять лет: «*Она практически ничего не помнит*». Во время войны деревня оказалась в оккупации: «*Бабушка с детьми уезжала куда-то на Урал. После возвращения из эвакуации маму отдали в интернат, а её маму определили в Сегеже на каком-то заводе работать, это еще военное время было, наверное, сорок четвертый год, и она очень быстро умерла. И мама осталась круглой сиротой. А я даже не знаю, как бабушку зовут*».

Помимо доступности приходилось сталкиваться с проблемой сохранности архивов. Учитывая то обстоятельство, что семьи вынуждены были часто переезжать, документы, фотографии, семейные реликвии утрачивались: «*Бабушка рассказывала, что когда они с Америки приехали, у них большой сундук был с одеждой. И фотографии в этом же сундуке были. Пришлось его оставить на вокзале в Комсомольске-на-Амуре. Не смогли увезти*»⁶. Но несмотря на это обстоятельство в семье имеется значительный архив. Конечно, не лучшим образом на сохранности семейных ценностей отразились годы войны: «*Во время эвакуации мамину младшую сестру оставили на вокзале с чемоданами, а она уснула, и у нее все эти узлы из-под головы вытащили со всеми фотографиями*»⁷.

³ ПМА. Информанты 7, 11, 16, 19, 18, 38

⁴ ПМА. Информант 38

⁵ ПМА. Информанты 22, 36

⁶ ПМА. Информант 18

⁷ ПМА. Информант 38

К сожалению, некоторые информанты не ценят принадлежащие им старые документы и фотографии: «Я бабушкин дом продал вместе со всем. Сундук старинный на чердаке хранился. Там старые бабушкины фотографии были, документы какие-то. Ну, мне это ни к чему»⁸. В подобном отношении к семейным ценностям, вероятно, есть доля вины и старшего поколения. Дети должны приучаться к тому, что старые документы и фотографии надо хранить, что «нельзя их выбрасывать вместе со старой обувью» [Чудакова]. К счастью, есть информанты, которые не меньше этнографа заинтересованы в изучении истории семьи и региона. К таким относятся информанты 2, 6, 14, 35, 37 и 41. Существование иной точки зрения у некоторых информантов по отношению к прошлому доказывает, что многое зависит от культурной политики семьи и от личной мотивации самого человека.

Состав документов, хранящихся в СА, свидетельствует о том, какие факты и обстоятельства семейной истории являются значимыми. К наиболее старым и редким (и, следовательно, ценным) относятся документы дореволюционного периода. Например, информант 2 хранит пропуск деда, лесника императорской охоты, выданный начальником дворцовой полиции. Подобные документы помогают установить, где и кем работал человек в то или иное время. Не менее ценными являются дореволюционные фотографии (есть у информантов 14, 20, 24, 35, 38 и 41). С конца XIX в. фотографии хранились в семейных фотоальбомах, которые стали выполнять функцию визуального СА, превращаясь таким образом в семейную историю [Smith 1999, 118]. Старые снимки являются наиболее распространенными реликвиями. Они передают атмосферу времени, в них отражена повседневная жизнь ушедшей эпохи. Фотографии используются в качестве материала для исследования материального мира, в котором жили предки информантов [Twine 2006, 491].

Для информантов из раскулаченных семей ценны документы, связанные с этим знаковым событием. К таким документам относятся описи раскулаченного имущества, справки о раскулачивании и выселении, справки о реабилитации. Представители семей, подвергшихся раскулачиванию, часто задавались вопросом: за что? Распространенным было объяснение: «Из зависти. Им нужен был дом наш. У отца был домик-пятистенка»⁹. Однако среди семей информантов были и такие, которые по принятым тогда нормам (наличие крупного хозяйства и, в первую очередь, использование наемного труда) являлись кулацкими. В СА есть также и эго-документы, относящиеся к периоду раскулачивания. К ним можно отнести воспоминания бабушки информанта 14, записанные сыном информанта и представленные к школьному конкурсу «Человек в истории. Россия, XX век» в виде стенгазеты. Идея рассказа (и его задача) – это «жажда справедливости». Таким образом, индивидуальный «продукт» социализируется, становится достоянием общественности. Следует отметить, что репрессии периода коллективизации имели социальный, а не национальный характер [Мусаев].

Принятие в 1991 г. закона «О реабилитации репрессированных народов» и в 1993 г. Постановления «О реабилитации российских финнов», несомненно, послужило толчком к собиранию документов, связанных с репрессиями в сталинские годы. Прежде всего, это касается российских финнов. К данной группе документов относятся справки о реабилитации родственников, копии протоколов допроса, анкеты арестованных, выписки из приговора Военного трибунала, постановление о предъявлении обвинения, справки из мест лишения свободы, справки о приведении в исполнение приговора, справки из архивов Карелии, Ленинградской и Мурманской областей о репрессированных родственниках. Для семей с финской родословной осознание общей исторической травмы, причастности к «репрессированному народу» является объединяющим фактором.

Для 1990-х гг. характерен всплеск публикаций, посвященных репрессиям сталинского времени. Несомненно, изменение курса государственной политики в отношении репрессированных этносов (в том числе и финнов) побудило некоторых представителей семей с финской ро-

⁸ ПМА. Информант 23

⁹ ПМА. Информант 20

дословной к созданию эго-документов. Например, были опубликованы в 1993 г. воспоминания отца информанта 19. Причем как на русском, так и на финском языках. Книга представляет собой жизнеописание отдельных родственников (в первую очередь – самого отца). Автор вспоминает также относительно недавние события в истории страны, непосредственным участником которых сам являлся. Значительную ценность представляют описанные им эпизоды повседневной жизни финских колонистов, бытовые детали и драматические события периода сталинских репрессий. Таким образом, книга отражает как отдельно взятые трагические судьбы финских колонистов, так и общую историю российских финнов. Также еще в 1927 г. в журнале «Карело-Мурманский край» были опубликованы воспоминания прадеда информанта 33. Эти мемуары посвящены борьбе с белогвардейцами в Ухтинском крае Карелии.

К этой же категории можно отнести опубликованную в 1992 г. в газете «Рыбный Мурман» статью двоюродного племянника информанта 8. В основу публикации легли воспоминания его матери. Статья имеет красноречивое название «Красная паранойя». Повествование пронизано неприязнью к советской власти. И это можно понять, т.к. в годы «большого террора» отец матери был расстрелян (статья 58–6 – шпионаж, 58–11 – контрреволюционные преступления [Уголовный кодекс... 1933, 21–25]). В 1957 г. дед был реабилитирован. Эти биографические эго-документы отражают отношение авторов к тем или иным событиям, историческому периоду и имеют субъективный характер [Кравцов 2015, 13].

В СА информанта 41 хранятся неопубликованные мемуары отца. Помимо интересных сведений из жизни отца, ценность этих мемуаров состоит в том, что они дополнены комментариями самого информанта 41, демонстрирующими теплые семейные отношения. Подобные воспоминания, написанные на документальном материале с мемориальными целями, обладают литературными свойствами.

В состав СА входят также эпистолярные материалы. Например, информант 5 хранит письмо от мачехи, в котором она записала со слов отца информанта его автобиографию. Конечно, в письме приведены факты не только об отце, но и об остальных членах семьи. Письмо довольно краткое (две страницы), описаны только основные события из непростой жизни семьи, без «лирических отступлений» и оценочных суждений. Письмо написано незадолго до смерти отца. В семье информанта 2 сохранились письма отца с фронта к своей жене. Несмотря на то, что отец происходил из моноэтнической финской семьи, он всю войну прослужил в советской армии кадровым офицером (комиссар, майор, переводчик). Его письма содержат не только оценку происходящих военных событий в целом, но и раскрывают личное нежное отношение к супруге.

В семье информанта 18 есть поздравительные открытки от кузин отца из Америки. Хранить корреспонденцию из-за границы в сталинское время было весьма рискованно, так как это могло повлечь за собой обвинения в шпионаже. Деда и отца информанта 18 несколько раз спасало то, что их предупреждали о возможном аресте, и они успевали спрятаться. Именно из-за опасений навлечь на себя неприятности семья перестала поддерживать связь с родственниками за границей, и без того они «вызывали интерес» у органов власти.

В состав СА входят также тексты, включенные в религиозно-магическую семейную практику. К ним относятся отдельные заговорно-молитвенные тексты: *«Мама верующей была. Я, когда еще маленькой была, обнаружила сначала под матрасом записочку, а потом под подушкой. Это были какие-то обереги. И вот у меня сохранились молитвы, написанные ее рукой»*¹⁰. Материнские рукописные молитвы-талисманы хранят и используют во многих семьях, в основном, женщины [Разумова 2001, 100].

К творческим материалам СА относятся изображения и стихи. Так, в семье информанта 37 хранится стихотворение, посвященное ее матери информантом 6. Информант 6 и мать информанта 37 – подруги, вместе пережили арест своих отцов, это их сблизило. Изобразительные материалы представлены работами информанта 1 и отца информанта 19 (профессиональные ху-

¹⁰ ПМА. Информант 39

дожники). Для этнографов представляют интерес работы отца информанта 19, созданные им по памяти и изображающие быт финских колонистов Мурманского довоенного периода.

Неотъемлемой частью многих СА являются генеалогические схемы, наглядно отображающие историю рода и его этнические корни. Такие схемы есть в СА информантов 14, 23 (составлял родословную двоюродный брат бабушки информанта), 30, 34, 35 и 40. Восстановление истории рода осуществляется на документальной и устной основе. При составлении генеалогического древа существенную помощь могут оказать мемуары, метрические книги и письма. Так, сведения о семье информанта 25 содержатся в метрических книгах, опубликованных в Финляндии. Род прослеживается с начала XIX в. [Onella 1973, 107] (для СА информант 25 сделала копии). Благодаря финским источникам (прежде всего архивным справкам из церковных приходов) восстановили свою родословную семьи информантов 9, 23, 34 и 38.

Обычно глубина памяти о предках не распространяется далее прадедов. Но встречаются заинтересованные люди, которым удается проследить историю рода с XVII в. Причем род – крестьянский, из карельской глубинки: «Я установил генеалогическое дерево с тысяча шестьсот тридцать пятого года благодаря финнам – это один источник. Второй источник – энтузиасты Карелии, которые занимаются карельскими родами»¹¹. При восстановлении истории рода существенную помощь оказали ревизские сказки. Ревизии – перепись податного населения, а ревизская сказка была основным документом ревизии.

В составлении генеалогических схем проявляется уважение к памяти предков. Следует отметить, что у информантов различная степень знаний о своих корнях. Это зависит от заинтересованности человека, от количества имеющихся документальных источников. Как было отмечено в ходе исследования, интерес к истории своего рода возникает у лиц старшего возраста: «Десять лет назад я ничего не знал. Я горжусь тем, что восстановил род»¹². Собираение семейного архива, составление генеалогического древа говорит о культурном уровне индивида.

Особое место в истории российских финнов занимают события депортации по национальному признаку. 26 июня 1940 г. вышел приказ НКВД СССР № 00761 о переселении финских семей из Мурманской области в Карелию [Бугай 2003, 170]. Затем финские семьи были отправлены дальше, в Архангельскую область и в Республику Коми. Депортация преследовала цель очищения приграничной территории от финнов (и немцев) как притягательной среды для шпионажа. Некоторые представители семей (мужчины) во время войны оказались в ГУЛАГе в качестве трудармейцев. И в СА хранятся справки, подтверждающие нахождение родственников в Челябинском ГУЛАГе, в трудовой армии в Воркуте и в лагере НКВД Буржельдорлага Хабаровского края. Также в СА есть справки, подтверждающие принудительное выселение по национальному признаку из Мурманской области в 1940 г. Собираение документов, связанных с репрессиями, – это своеобразная дань памяти о невинно пострадавших родственниках.

Состав архивов свидетельствует об этнической принадлежности семьи. В семьях хранятся справки из госархивов (или повторные свидетельства о рождении), в которых указано место регистрации – «лютеранский приход». В 1920-х гг. впервые в документах появляется графа «национальность» [Байбурин 2017]. Иногда паспортистки указывали национальность по собственной инициативе. Так, члены семьи информанта 2 не единожды подвергались бумажно-бюрократической «ассимиляции»: у матери до замужества в документах финская фамилия была переделана на русский манер (как пояснила мать «её заставили так написать»). Старшей сестре «паспортистка предложила указать национальность в паспорте – «русская». Примером вынужденной этнической идентификации может служить случай, рассказанный информантом 13: «Нас у родителей пятеро детей. И все записаны были в паспорте на разных национальностях: кто русский, кто финн, а я украинка. Когда паспортистка у меня спросила про национальность, я ответила, что я русская. Она на меня такой взгляд кинула! «Какая ты русская, ты украинка». Хотя папа у меня русский из Ставрополя».

¹¹ ПМА. Информант 35

¹² ПМА. Информант 35

Помимо обращения в архивы, семейная культурная деятельность по сохранению собственного культурного наследия (мемориальные практики) проявляется во взаимодействии семей с организациями, выполняющими задачи, связанные с поисками родственников [Разумова 2013, 76–77]. Примером тому является обращение информантов в программу «Жди меня»: *«Я много фотографий и документов отправила в передачу «Жди меня». Мы знаем, что за границей есть родственники, но связь с ними давно утеряна, хотелось бы найти. Но мне не ответили. Я всё отправила в «Жди меня» и даже копию не сняла»; «У меня даже фотографии отца не было. Я написала в «Жди меня». И через два года мне пришло письмо от финнов»¹³*. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что активное комплектование СА у информантов с финской родословной началось в 1990-х гг. и связано это с реабилитацией репрессированных народов. Дело в том, что до середины 1930-х гг. российские финны идентифицировали себя как финны (тем более что подавляющее большинство происходило из моноэтнических семей). В дальнейшем, учитывая, что в конце 1930-х гг. финны сталкивались с серьезными проблемами из-за своей этнической принадлежности, многие (преимущественно из межэтнических семей) старались указать в графе «национальность» – «русский/русская», а также изменить фамилии и имена. А начиная с 1990-х гг., ситуация стала кардинальным образом меняться. Конструирование этнической самоидентификации, как видим, находится в зависимости от политики государства.

Для современных представителей семей с финской родословной восстановление этнической принадлежности предшествующих поколений рода является не только нравственной потребностью. При самоидентификации информанты, особенно молодые, склонны отыскивать у себя финские корни, поскольку наличие этих корней сулит определенные выгоды, в первую очередь, возможность выехать в Финляндию на постоянное место жительства. Как указывает Н. Б. Вахтин, люди «переопределяют» себя, если им это покажется полезным или если обстоятельства вынудят их к этому [Вахтин 2001, 248]. Похожий пример встречается и у карелов. Так, информант 39 (из русско-карельской семьи) была зарегистрирована в советском паспорте как русская. У нее была бронь¹⁴ на квартиру в Петрозаводске: *«Когда папа умер в девяносто первом, тогда еще никакой приватизации не было. И тогда правительство Карелии стало заявлять, что оно высылит всех не карелов. И я тогда перепугалась. Но у меня сохранилось свидетельство о рождении. Я говорила себе, что приеду в Петрозаводск, приму национальность «карелка», ищи вы у меня тогда квартиру отнимете, я наведу у вас порядок! Но нас никто не выгонял»*.

Исследование показало, что комплектование СА имеет как символическое, историческое, так и практическое значение. Формирование архивов осуществляется в семьях как стихийно, под влиянием социально-бытовых и индивидуально-психологических потребностей, так и целенаправленно – если они осмысливаются как сохранение памяти для потомков. В каких-то ситуациях источники СА могут быть и юридическим документом. Например, справка о реабилитации – и исторический документ, и важное свидетельство для подтверждения причитающихся реабилитированному льгот. Материалы архивов используются не только членами семьи по необходимости (воссоздают историю семьи, подтверждают этническое происхождение и т.п.), но востребованы и представителями различных общественных институтов: к ним все чаще обращаются историки, краеведы и культурно-просветительские учреждения. Из этого следует, что семейный «культурный продукт» социализируется, расширяется сфера его применения, он становится общественным достоянием [Разумова 2013, 81–82].

Наряду с дореволюционными документами, которые считаются наиболее ценными (для всех семей, независимо от их этнической принадлежности), российские финские семьи особенно бережно сохраняют справки о реабилитации родственников. Это их отличительная черта: практически в каждой финской семье есть такие документы. Справки о реабилитации пострадавших в годы «большого террора» стали выдавать с конца 1950-х гг. Справки о реабилитации

¹³ ПМА. Информанты 18, 38

¹⁴ При выезде на работу в районы Крайнего Севера граждане СССР сохраняли право на предыдущее жилье

раскулаченных семей и семей, депортированных по национальному признаку, информанты начали запрашивать с начала 1990-х годов.

На этническую самоидентификацию финнов значительное влияние оказала политика государства, прежде всего – депортация по национальному признаку. Именно осознание общего негативного исторического опыта, причастности к репрессированному народу объединяет российских финнов.

Как правило, архивы финских семей более объемны, чем архивы карельских семей. Возможно, это связано не только с наболевшей темой репрессий по этническому принципу, с желанием восстановить справедливость, сохранить память о трагедии для потомков, но и потребностью в подтверждении своих финских корней.

Помимо биографических документов, семейные архивы содержат ценные эго-документы, которые дают возможность уточнить детали биографических траекторий и обстоятельств жизни семей; фотоматериалы, которые не только воспроизводят облик персонажей семейной истории, но и отражают традиции, окружающую среду прошедшего времени. Таким образом, СА сохраняют память об отдельных членах семьи, об истории рода и об эпохе в целом.

Приложение

Сведения об информантах

№	Пол	Год		Место жительства (выезда) предков	Место проживания	Этническая идентификация семьи (происхождение)	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
1	2	3	4	5	6	7	9
1	М	1922	2011	ЛО ¹⁵	Мурманск	финны	финн
2	Ж	1946	2009	ЛО	Апатиты	финны	финка
3	Ж	1932	2009	ЛО	Апатиты	финны	финка
4	Ж	1936	2010	ЛО	Мончегорск	финны	финка
5	Ж	1948	2010	ЛО	Апатиты	финны	финка
6	Ж	1927	2009	США	Княжая Губа	финно-карельское	финка
7	Ж	1927	2010	Тамерфорс	Апатиты	финно-карельское	финка
8	Ж	1950	2009	Улеборгская губерния	Апатиты	финно-карело-русское	финка
9	Ж	1955	2009	Улеборгская губерния	Апатиты	финно-карельское	карелка
10	Ж	1945	2009	ЛО	Апатиты	финно-русское	русская
11	Ж	1943	2010	ЛО	Апатиты	финно-русское	русская
12	М	1959	2011	Хельсинки	Кировск	финно-русское	финн
13	Ж	1947	2010	ЛО	Апатиты	русско-финское	биэтническая
14	Ж	1958	2010	ЛО	Апатиты	русско-финно-ижорское	русская
15	Ж	1951	2011	ЛО	Апатиты	русско-финское	русская
16	Ж	1981	2011	ЛО	Кировск	финно-карело-русское	финка
17	М	1984	2010	Сердобольский уезд	Кильдинстрой	финно-чукча-русское	русский
18	Ж	1956	2011	США	Апатиты	финно-карельское	финка
19	Ж	1953	2013	Улеборгская губерния	Верхне-туломский	финно-русское	биэтническая

¹⁵ Ленинградская область

Продолжение приложения

20	Ж	1931	2013	ЛО	Апатиты	финны	финка
21	М	1964	2013	Сайда-Губа	Апатиты	финно-русское	финн
22	М	1935	2014	Хельсинки	Кукисвумчорр	карело-финское	карел
23	М	1980	2014	Улеаборгская губерния	Апатиты	финно-карело-русское	амбивалентная
24	Ж	1951	2014	ЛО	Апатиты	финно-белорусское	русская
25	Ж	1939	2014	Улеаборгская губерния	Мурманск	финны	финка
26	М	1972	2015	США	Ревда	финно-русское	русский
27	М	1979	2015	Руовеси, Финляндия	Мурманск	финны	финн
28	Ж	1949	2015	Улеаборгская губерния	Полярные Зори	финно-ижорское	финка
29	М	1955	2015	Ёно-Бабинский погост	Африканда	саамо-финно-русское	саами
30	Ж	1959	2015	Улеаборгская губерния	Ковдор	финно-русское	финка
31	Ж	1952	2015	ЛО	Кировск	карело-финское	финка
32	М	1968	2015	ЛО	Апатиты	финно-русское	финн
33	М	1973	2016	Выборг / Калевальский р-н	Апатиты	русско-карело-финское	русский
34	Ж	1965	2016	Улеаборгская губерния	Ёна	саамо-русско-финское	амбивалентная
35	М	1957	2017	Калевальский р-н	Апатиты	карело-русское	русский
36	Ж	1939	2017	Олонецкий р-н	Апатиты	карелы	карелка
37	Ж	1960	2017	?	Княжая Губа	финно-карело-русское	амбивалентная
38	Ж	1942	2018	Канада / Выборг	Апатиты	финно-карельское	русская
39	Ж	1952	2018	Ребольский р-н	Апатиты	русско-карельское	русская
40	Ж	1958	2019	Лоухский р-н	Апатиты	карело-белорусское	карелка
41	М	1961	2019	Латвия / ЛО	Апатиты	латышско-немецко-русско-карельское	латыш

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики, Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2017. 488 с.

Бугай Н. Ф., Гонов А. М. «По решению правительства Союза ССР...». Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.

Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

Деккер Р. Долгосрочные тенденции автобиографического творчества в Нидерландах // Человек. 2016. № 5. С. 71–84.

Илюха О. П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2012. № 4. Вып. 3. С. 124–133.

Кравцов А. Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949–1974): дис. ... канд. филолог. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 268 с.

Лебедев П. А. Письма семейных архивов как исторический источник (на примере переписки семьи Абрамовых) // Материалы конференции «Семейные архивы и семейная память в жизни современного общества», 2007. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/familisarchives/konf> (дата обращения: 24.01.2018).

Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX–нач. XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Институт истории РАН, 2002. 42 с.

Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. № 129. М.: МОНФ, 2001. С. 93–115.

Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI вв.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. и мат-лов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 66–88.

Разумова И. А. Формирование ландшафта памяти (на примере АПРК «Курск») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. Вып. 9. С. 8–21.

Рекомендации по формированию семейного архива. URL: http://vpkraeved.narod.ru/docs/fam_arh.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1933. 159 с.

Чудакова М. О. Беседы об архивах // ЛИТМИР. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=72523&p=4> (дата обращения: 21.02.2018).

Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. 2002. № 5. P. 13–37.

Onella S. Muurmannin rannan luterilaiset. v. 1887–1888 // Scripta Historica. III. Oulu, 1973. P. 55–114.

Smith Sh. Baby's Picture is Always Treasured: Eugenics and The Reproduction of Whiteness in the Family Photograph Album // American Archives: Gender, Race and Class in Visual Culture. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. P. 113–135.

Twine F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies // Ethnic and Racial Studies. Vol. 29, No. 3. 2006. P. 487–511.

Поступила в редакцию 18.06.2021

Бусырева Елена Владиславовна

кандидат исторических наук, научный сотрудник,

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН
184209, Россия, г. Апатиты, Мурманская область, академгородок, д. 40а,

e-mail: ebusyрева@mail.ru

E. V. Busyreva

FAMILY ARCHIVES AS A STORAGE OF MEMORY ABOUT FAMILY HISTORY (A CASE STUDY OF FINNISH AND KARELIAN FAMILIES OF THE MURMANSK REGION)

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-100-111

The article is devoted to the issue of preservation and translation of family memory in the materialized form of a home archive. Interest in family archives is due to the fact that the collection of documents and photographs by each individual family contributes to the preservation of memory, turning it into history. The article discusses which documents have helped to recreate the history of each family, how this story interacts with macrohistory, which documents are most valuable and why. Thus, knowledge about the history of one's family (microhistory) is closely intertwined with macrohistory. In addition, thanks to family archives, the formation of ethnic identity and local self-awareness of the individual takes place. The article analyzes the composition and functions of archives. Family archives include various biographical documents, egodocuments that make it possible to clarify the details of the biographical trajectories and circumstances of family life, photographs that not only reproduce the appearance of the characters in family history, but also reflect the traditions, the environment of the past. The composition of the documents indicates which facts and circumstances of family history are significant for descendants. Official documents stored in family archives can perform various functions, for example, serve as a source for the reconstruction of the family tree and

confirm ethnic origin. The importance of family archives lies not only in helping to recreate the history of an individual, family, but also as a valuable historical source.

Keywords: family archives, memory, Finns, Karelians, biographical documents, ego-documents, photographs, repressions, genealogical charts.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 100–111

REFERENCES

Bayburin A. K. *Sovetskiy pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet Passport: History – Structure – Practices]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta, 2017. 488 p. In Russian.

Bugay N. F., Gonov A. M. «Po resheniyu pravitel'stva Soyuza SSR...» [“By decision of the government of the USSR ...”]. Nal'chik: El'-Fa, 2003. 927 p. In Russian.

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v XX v.: ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the twentieth century: essays on the language shift]. Sankt-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001. 338 p. In Russian.

Dekker R. Dolgosrochnnyye tendentsii avtobiograficheskogo tvorchestva v Niderlandakh [Long-term trends in autobiographical creativity in the Netherlands]. *Chelovek* [Man], 2016. No. 5. P. 71–84. In Russian.

Ilyukha O. P. Povsednevnost' sovetsko-finlyandskogo pogranich'ya 1930^{kh} godov v vospo-minaniyakh o detstve [The everyday life of the Soviet-Finnish borderland of the 1930s in childhood memories]. *Trudy KarNTS RAN. Seriya “Gumanitarnyye issledovaniya”* [Transactions of Karelian Research Center of Russian Academy of Science. Series “Humanitarian research”], 2012. No. 4 (3). P. 124–133. In Russian.

Kravtsov A. N. *Ego-dokumenty russkoy emigratsii XX veka: na materiale publikatsiy zhurnala “Vozrozhdeniye” (Parizh, 1949–1974)* [Ego-Documents of Russian Emigration of the 20th Century: Based on Publications of the Renaissance Magazine (Paris, 1949–1974)]: dis. ... kand. filolog. nauk. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2015. 268 p. In Russian.

Lebedev P. A. *Pis'ma semeynykh arkhivov kak istoricheskiy istochnik (na primere perepiski sem'i Abramovykh)* [Letters of family archives as a historical source (on the example of the correspondence of the Abramov family)]. Materialy konferentsii “Semeynyye arkhivy i semeynaya pamyat' v zhizni sovremennogo obshchestva” [Materials of the conference “Family archives and family memory in the life of modern society”], 2007. In Russian. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/familisarchives/konf> (accessed: 24.01.2018).

Musayev V. I. *Ingermanlandskiy vopros vo vzaimootnosheniyyakh i vnutrenney politike Rossii i Finlyandii (k. XIX – n. XX vv.)* [The Ingermanland Question in the Relationships and Domestic Politics of Russia and Finland (end XIX – beg. XX centuries)]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Sankt-Petersburg: Institut istorii RAN, 2002. 42 p. In Russian.

Razumova I. A. Pis'mennyye traditsii sovremennoy sem'i: problemy sobiraniya i izucheniya [Written traditions of the modern family: problems of gathering and studying]. *“Naivnaya literatura”: issledovaniya i teksty* [“Naive literature”: studies and texts] sost. S.Yu. Neklyudov. No. 129. Moscow: MONF, 2001. P. 93–115. In Russian.

Razumova I. A. *Kul'turnaya politika sovremennoy rossiyskoy sem'i: podkhody, issledovaniya, praktika* [The cultural policy of the modern Russian family: approaches, research, practice]. *Karel'skaya sem'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI vv.: etnokul'turnaya traditsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsiy* [Karelian family in the second half of the XIX – early XXI centuries: ethnocultural tradition in the context of social transformations]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2013. P. 66–88. In Russian.

Razumova I. A. Formirovaniye landshafta pamyati (na primere APRK «Kursk») [The formation of the landscape of memory (on the example of the Kursk APRC)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnyye issledovaniya* [Transactions of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian research]. Apatity: KNTS RAN, 2016. Vyp. 9. P. 8–21. In Russian.

Rekomendatsii po formirovaniyu semeynogo arkhiva [Recommendations for the formation of a family archive]. In Russian. URL: http://vpkraeved.narod.ru/docs/fam_arh.pdf (accessed: 12.03.2020).

Ugolovnyy kodeks RSFSR [The Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Gos. izd-vo “Sovetskoye zakonodatel'stvo”, 1933. 159 p. In Russian.

Chudakova M. O. Besedy ob arkhivakh [Conversations about archives]. *LITMIR*. In Russian. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=72523&p=4> (accessed: 21.02.2018).

Rudolf Dekker. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history // *Memoria y Civilización*. 2002, No. 5. P. 13–37. In English.

Samuli Onella. Muurmannin rannan luterilaiset. v. 1887–1888 // *Scripta Historica*. III. Oulu, 1973. P. 55–114. In Finnish.

Shawn Smith. Baby's Picture is Always Treasured: Eugenics and The Reproduction of Whiteness in the Family Photograph Album // *American Archives: Gender, Race and Class in Visual Culture*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. P. 113–135. In English.

France Twine. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 29. No. 3. 2006. P. 487–511. In English.

Received 18.06.2021

Busyreva Elena Vladislavovna,
Candidate of History, Researcher Associate,
Center of humanitarian problems in the Barents Region KSC RAS,
d. 40a, akademgorodok, Apatity, Murmansk region, 184209, Russian Federation,
e-mail: ebusyreva@mail.ru